

A movie poster for the film 'The Night Vision Code'. The scene is set on the deck of a ship at night, with a dark, stormy sky and a large crane in the background. In the foreground, a young boy with dark hair, wearing an orange jacket and a backpack, looks back over his shoulder with a concerned expression. He is holding a glowing blue circular interface with concentric circles and a central point. In the background, other crew members are visible on the ship's deck, and a bright light emanates from a doorway. The overall atmosphere is mysterious and high-tech.

Игорь Чейз

Шифр
"Ночесветки"

Игорь Чейз

Шифр "Ночесветки"

<https://litres.ru/74101278>

SelfPub; 2026

Аннотация

Летняя экспедиция на научно-исследовательском судне «Наутилус» обещала стать для десятилетнего Матвея скучнейшим наказанием за разбитое школьное окно. Но когда посреди океана внезапно пропадает связь, становится не до скуки. Экипаж явно ведёт игру за спиной его отца-профессора, а обстановка на судне накаляется с каждым часом. Матвею предстоит применить все свои дедуктивные способности, чтобы раскрыть чужие секреты и предотвратить надвигающуюся катастрофу.

Содержание

Глава 1. Профессорский сынок и банда «Наутилуса»	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Шифр "Ночесветки"

Глава 1. Профессорский сынок и банда «Наутилуса»

Если вам кто-то с придыханием скажет, что морская научно-исследовательская экспедиция — это великая романтика, смело бросьте в этого человека грязной портовой шваброй. Десятилетний Матвей Королев знал цену этой «романтике» лучше любого портового боцмана.

Прямо сейчас соль и йод за ржавым бортом воняли так нестерпимо, будто на кухонной плите профессора Королева-старшего одновременно сгорели тонна тухлого лука, ведро медицинских горчичников и три пары старых резиновых сапог. Тяжелые капли водорослей с противным шлепком валялись на палубу, а волны вокруг звучали так, как будто мокрую жвачку лениво жуёт великан-переросток. Брызги то и дело долетали до лица — на вкус они были как ледяной огуречный рассол, который Матвей искренне ненавидел.

— Ну и вонища. Чистое химическое оружие, — сморщился Матвей, вытирая рукавом мокрый нос.

Ему здесь категорически не нравилось. Корабль казался огромной ржавой консервной банкой, в которой его заперли на целое лето. Но показывать взрослым досаду — и тем

более слезы — было нельзя. Ему, в конце концов, уже десять — солидный возраст, обязывающий ко всему относиться со здоровым пацанским цинизмом. Настоящие мужчины, как утверждали герои его любимых сериалов, не жалуются на условия: они фиксируют обстановку.

В эту глухомань Матвей попал вовсе не из-за любви к океанологии. Виной была чистая педагогическая катастрофа. В конце мая он умудрился разбить огромное окно в школьном кабинете биологии. Матвей пытался доказать одноклассникам, что траектория отскока футбольного мяча от стены полностью подчиняется законам баллистики. Но в момент удара он поскользнулся на мокром полу — и мяч полетел по другой траектории. Окно со звоном разлетелось на мелкие осколки, а виноват оказался он.

Директор вызвал в школу маму «альтернативно одаренного» и аккуратно намекнул, что парню полезно сменить обстановку. Мама вынесла окончательный вердикт:

— Пусть Королев-старший забирает своего юного хулигана с собой. На корабле окон мало, а дисциплины много. Заодно и за ум возьмется под присмотром науки.

Мама надеялась, что суровый морской быт выбьет из Матвея дурь, раз дома из-за её вечной занятости он рос предоставленным самому себе. Вообще-то Матвей мечтал остаться в Москве с мамой. Она работала экспертом-криминалистом в городском управлении — и именно от неё он заразился своей главной страстью. Пока она задерживалась на

ночных дежурствах, Матвей до дыр засматривал детективные сериалы и штудировал учебники по логике. Мама научила его главному правилу:

— Люди всегда оставляют следы, даже если очень хотят их скрыть. Смотри не на то, что они говорят, а на то, как они это делают.

Мама вообще подходила к воспитанию сына с чисто ведомственной практичностью. Папа же воспитанием Матвея совершенно не занимался — он вечно пропадал в многомесячных экспедициях, а редкие недели дома проводил в обнимку с научными журналами, искренне считая, что сыну для счастья достаточно вовремя купленного конструктора. Поэтому, когда во втором классе Матвей пришёл домой с синяком под глазом, мама не побежала жаловаться директору, а молча отвела его в секцию самбо при полицейском клубе. Три года жестких тренировок, бесконечных отработок падений на татами и бросков через бедро не прошли даром. Матвей научился не бояться соперников, которые были крупнее его, и твёрдо усвоил: в любой потасовке побеждает не тот, у кого тяжелее кулак, а тот, кто умеет использовать инерцию врага против него самого.

Папа Матвея, гениальный профессор биологии, в житейских делах был беспомощен и доверчив, как первоклассник. Его мог обмануть любой первокурсник. Поэтому Матвей ещё на берегу пообещал маме присматривать за отцом.

Саму же биологию — все эти бесконечные водоросли и ракушки — он считал самым нудным занятием на свете. Стать бледным очкастым ботаником в планы точно не входило.

Внутри научно-исследовательское судно «Наутилус» оказалось ещё более скучным, чем снаружи. Папина каюта напоминала смесь свалки металлолома и кабинета безумного ученого. Железо пищало, мигало разноцветными диодами и чертило на экранах бесконечные унылые графики. Матвей с тоской ткнул пальцем в экран планшета. Плашка «Нет соединения» горела как приговор. Мобильный интернет умер окончательно.

— Пап, мы вообще сворачиваться скоро собираемся? — уныло спросил Матвей, крутя в руках какой-то подозрительный прибор на резиновых присосках, похожий на вантуз будущего. — Или мы тут до пенсии куковать будем ради спасения мирового планктона?

Его отец даже ухом не повёл. Сидел, согнувшись в три погибели над массивным электронным микроскопом, и напоминал взъерошенного филина, которому посреди ночи подсунули сложнейший экзамен по тригонометрии.

— Матвей, не зуди под ухом, у меня деление клеток, — буркнул отец, не поднимая очков. — Мы только приплыли. Не майся дурью — иди лучше проветришь на палубу. Знакомься с экипажем. Там сплошные колоритные личности.

Матвей вздохнул и вышел в узкий коридор. Первой «личностью» оказался сам капитан Окатов. Он стоял у трапа —

коренастый, хмурый, в форменной фуражке, которая сидела на голове так плотно, словно её прибили строительным пистолетом. Лицо капитана напоминало дублёную подошву старого армейского сапога. Он крепко держал под мышкой массивный кожаный блокнот с тяжелым латунным замком и сердито сопел. Заметив Матвея, капитан сразу попытался включить режим строгого начальника.

— Так, профессорский сынок! — рявкнул он так, что у Матвея в левом ухе будто хлопнула стартовая петарда. — Руки в карманах не держать. На палубе не бегать. В рубку сунешь любопытный нос — мигом за борт определяю! На корм местным акулам и крабам. Понял?!

Матвей даже не моргнул. Подавив желание сострить, он ровным, серьёзным голосом ответил:

— Понял, товарищ капитан. Буду соблюдать устав.

Капитан хмыкнул, повесил свою штормовку на крючок возле рубки, сунул блокнот в глубокий внутренний карман куртки и скрылся за железной дверью управления, звучно щёлкнув замком.

Второй «личностью» на его пути оказался лаборант Коля. Он щеголял в белом халате, на груди у которого красовалось живописное пятно от томатного супа. Из его левого кармана торчал синий пластмассовый динозавр, обычная детская игрушка. Николай мертвой хваткой сжимал пробирку с ядовито-синей жидкостью. Заметив Матвея, он слишком широ-

ко улыбнулся и натужно подмигнул — будто пытался сыграть весельчака. Но глаза выдавали: они бегали из стороны в сторону, очки постоянно сползали на кончик длинного, усыпанного веснушками носа, а на лбу выступили мелкие капли пота. Лаборант явно чего-то жутко боялся.

— О, здорово, Матвейка! — фальшиво-бодрым голосом выкрикнул Коля. Пробирка мелко застучала о пуговицу халата. Николай судорожно перехватил пробирку одной рукой, а второй зачем-то поглубже запихнул пластмассового динозавра в карман, словно прятал важный вещдок. — Чего кислый? Пошли со мной в трюм, поможешь мне! У нас тут, парень, такое скоро начнётся — обалдеешь!

— Что именно начнётся? — Матвей остановился, пристально глядя лаборанту прямо в глаза.

Лаборант понял, что сболтнул лишнего. Он резко захлопнул рот, испуганно зыркнул в сторону двери капитанской рубки и, на ходу выдумывая оправдания, пробормотал что-то невнятное про «аномальный зеркальный эффект». После чего шустро побежал в сторону лаборатории — спотыкаясь на ровном месте и едва не путаясь в полах собственного халата.

Смешанные чувства переполняли Матвея, когда он перешагнул порог камбуза, где заправлял кок дядя Вася — пожалуй, самый колоритный персонаж на «Наутилусе». Матвей наизусть знал приключенческую классику и сразу узнал в нём ожившего Джона Сильвера из «Острова сокровищ».

Дядя Вася был толстым, невероятно румяным и напоминал огромную сдобную булку, одетую в белоснежный поварской фартук. На левом плече красовалась старая татуировка — весёлый дельфин в бескозырке. Левую ногу он заметно подволакивал, из-за чего передвигался по кухне с характерным ритмичным припаданием. Дядя Вася весело раскатывал скалкой упругое тесто прямо на деревянном столе и во всю глотку распевал матросскую песню, оглушительно отбивая такт скалкой.

При виде Матвея кок широко улыбнулся и уставился на него своим единственным здоровым, невероятно пронзительным глазом. Второй, травмированный ещё на старых китобойных судах, оставался полузакрытым — из-за этого казалось, будто он заговорщицки «подмигивает».

— Печенье хочешь, малец? — добродушно басил кок, протягивая противень и оценивая степень голода Матвея. — Свежее, только из печи! В форме карасей и морских окуней! Налетай, пока наша Грозовая Туча всё не конфисковала!

— Спасибо, — Матвей взял ещё тёплое печенье и приклонился к косяку. — А почему капитана так зовут? Из-за характера?

Дядя Вася оглушительно захохотал — точь-в-точь как пират Джон Сильвер перед раздачей пиастров — и заговорщицки понизил голос:

— Слушай сюда, парень, и мотай на ус! Своё имя он получил за феноменальную физиономию. Стоит нашему коман-

диру нахмуриться или задуматься над картой — и его круглое лицо багровеет, а над густыми, сросшимися на переносице бровями словно тучи наливаются. Сами брови при этом ходят ходуном, будто два лохматых шмеля делят одну клумбу. Поглядишь на него в такой момент — сразу ясно: сейчас бабахнет. Вот экипаж и прозвал. Ты с ним поаккуратнее. Он мужик суровый. Чуть что — вмиг выбросит за борт на корм крабам и акулам!

Матвей кивнул, попрощался с коком и поспешил обратно в каюту.

Оказавшись в одиночестве на жёсткой койке и хрустя кондитерскими «карасями», Матвей наконец разложил в голове увиденное. Вот теперь его криминалистический радар забил настоящую тревогу. Эти люди явно вели какую-то свою игру за спиной профессора.

Мама часто повторяла ему: «Если человек начинает агрессивно кричать с порога без видимой причины — он защищается. Крик — это камуфляж для страха или нечистой совести. Обычные люди не прячут вещи от ребёнка. Зачем простому капитану запирает рабочий журнал на тяжёлый латунный замок и испуганно прижимать его к себе?» Капитан Окатов явно пытался выстроить стену и запугать свидетеля. Значит, ему точно было что скрывать.

А лаборант Коля? Тот вообще безошибочно транслировал страх. Он очень топорно пытался шутить, но сам едва не дрожал от напряжения, фальшивил и судорожно прятал иг-

рушечного динозавра. Подозрительный тип, который панически боится капитана. Они точно что-то замышляют.

Именно сейчас жесткая пацанская логика заставила Матвея окончательно включить «режим сыщика». Он вспомнил, как перед отплытием папа на кухне в Москве размахивал руками, объясняя маме суть своей работы. Речь шла об аква-люциферине-Х — уникальном светящемся ферменте глубоководных раковин Зеркального острова. На кону стояли огромный государственный грант, миллионы рублей и международные патенты, которые фармацевтические компании оторвали бы с руками. При этом экипаж «Наутилуса» состоял из угрюмых наёмных моряков, годами вкалывавших за копейки. Обвести вокруг пальца доверчивого профессора, который дальше своего микроскопа ничего не видел, — дело плёвое. Скрыть от учёного координаты ценной находки, заявить, что экспедиция оказалась пустой, а потом вернуться и продать тайну коммерсантам — вот готовый мотив преступления!

Матвей твёрдо решил защитить наивного отца от чужого обмана. Действовать нужно было сразу. Матвей бесшумно выскочил в коридор и скользнул к вешалке возле рубки, где капитан оставил свою куртку. Коридор был пуст. Куртка пахла табаком, дешёвым одеколоном «Океан» и штором. Мальчик аккуратно, без единого шороха, запустил руку во внутренний карман. Пальцы нащупали холодный металл замка. Ещё секунда — и блокнот переключался под футболку

Матвея.

Из рубки донёлся тяжёлый кашель. Матвей не прибавлял шагу — просто спокойно вернулся в свою каюту. Первое дело — и сразу успешный перехват документов. Корабль с диким грохотом и лязгом разматывал якорную цепь, «Наутилус» замирал у Зеркального острова. Матвей хитро улыбнулся: унылая ссылка внезапно становилась очень интересной!

Он потянулся к рюкзаку, чтобы спрятать улику, — но времени не дали. Настоящее расследование ворвалось в каюту без стука.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.